

И. А. Куклинова

Новая музеология: современное осмысление концепта

Новая музеология как система взглядов сформировалась в 1980-е гг. Она стала результатом осмысления многочисленных и очень разнообразных региональных опытов создания новых музеев. Они возникали по инициативе отдельных сообществ и актуализировали ценности, представлявшие элементы наследия определенных групп населения. Так родились музеи, сконцентрированные на социальных отношениях. Несмотря на то, что основные тексты идеологов новой музеологии были опубликованы еще в первой половине 1990-х гг., интерес к ней не уменьшается. Многие современные специалисты вновь обращают внимание на определение места новых музеев в истории музейного дела, рассматривая их в качестве прямых наследников просветительских проектов конца XVIII в. Более того, в последнее время вновь ставится вопрос об исследовательском поле музеологии как науки. Оценка идей новой музеологии как системы взглядов заставляет отказаться от понимания этого течения лишь как одного из этапов развития музеологии. Исследователи уверены, что именно новая музеология, осмыслявшая музейную практику и сформировавшая свою систему ценностей, легла в основу того широкого толкования исследовательского поля, которое и поныне считается актуальным.

Ключевые слова: музеология, новая музеология, ИКОФОМ, МИНОМ, исследовательское поле, экомузей

Irina A. Kuklinova

New museology: modern understanding of the concept

New museology as a system of views was formed in the 1980s. It was the result of comprehending the many and remarkably diverse regional experiences of creating new museums. They arose on the initiative of individual communities and actualized the values that were represented by the elements of the heritage of certain groups of the population. This is how museums focused on social relations were born. Even though the main texts of the ideologists of the new museology were published in the first half of the 1990s, interest in it is not diminishing. Many modern specialists again pay attention to the determination of the place of new museums in the history of museum business, considering them as direct heirs of educational projects of the late 18th century. Moreover, recently the question of the research field of museology as a science has been raised again. Evaluation of the ideas of new museology as a system of views forces us to abandon the understanding of this trend only as one of the stages in the development of museology. Researchers are confident that it was the new museology, which interpreted museum practice and formed its own system of values, that formed the basis of that broad interpretation of the research field, which is still considered relevant.

Keywords: museology, nouvelle muséologie, ICOFOM, MINOM, ecomuseum

DOI 10.30725/2619-0303-2020-3-68-72

Наше время отмечено серьезными трансформациями такой культурной институции, как музей. Эти изменения столь глубоки, что воспринимаются по-разному в профессиональном сообществе, запустившем процесс очередного обсуждения понятия *музей* в 2016 г. [1, с. 33] Свидетельством остроты дискуссии по поводу новой дефиниции музея, развернувшейся на очередной Генеральной конференции Международного Совета музеев (ИКОМ) в Киото в 2019 г., стала необходимость отложить окончательное решение по данному вопросу. В связи с динамикой самого института расширяется и представление об исследовательском поле музеологии как науки. Во введении к новой коллективной монографии, выпущенной в 2020 г., бельгийский специалист, долгие годы возглав-

лявший Международный комитет по музеологии (ИКОФОМ), Фр. Мересс трактует его следующим образом: оно ассоциируется «с современным музеем, и это исследовательское поле также эволюционирует на уровне вопросов и соотносящихся с ним дисциплин (от информационных и коммуникационных наук к гендерным и постколониальным исследованиям, экономике и туризму)» [2, р. 13].

Вместе с тем, признается, что история этой научной дисциплины еще не написана [2, р. 8]. Сегодня, наряду с возрастающим интересом к новациям последнего времени, усиливается и внимание к историческому прошлому, в том числе недавнему, делаются попытки осмыслить его с современных позиций, теснее связав с актуальными проблемами. Не является исключе-

нием и комплекс идей, вошедших в историю под названием *новая музеология* (*nouvelle muséologie*). В данной статье впервые на русском языке в научный оборот вводятся работы последних лет, выпущенные под эгидой Международного комитета по музеологии, исследуется, как в них трактуется это течение музеологической мысли, какие новые акценты внесены в его осмысление.

Прежде всего, уточним – нами рассматривается концепт, родившийся «в 1980-е гг. для определения некоторых из самых новаторских экспериментов предшествующего десятилетия» [3, р. 367]. Несмотря на то, что термин *новая музеология* применялся неоднократно на протяжении XX столетия, в том числе и «без особого значения» [4, р. 55], он закрепился именно за франкоязычным течением мысли 1970–1980-х гг. [4, р. 55].

Новые воззрения родились в эпоху социальных и экономических потрясений конца 1960-х гг., приведших к серьезным изменениям и в культурной сфере. Появились новые виды музеев, созданные благодаря инициативам отдельных сообществ, центр внимания переносился с коллекций на посетителей, и в первую очередь местных жителей, которые, изучив собственное прошлое, осмысливают местное наследие, трактованное отныне максимально широко и являющееся таковым именно в глазах местного сообщества. В разных регионах мира эти музеи обретают разные имена, во Франции это *экомузеи*. *Новая музеология* теснейшим образом связана с термином *экомузеология*. Один из идеологов новых идей французский музеолог А. Девалье, объясняя тот факт, что *экомузеология* и *новая музеология* часто смешиваются, писал, что «первая стала частью второй, а вторая нашла свое лучшее украшение в первой с того момента, как они пошли вместе» [5, р. 11]. В 1982 г. во Франции была создана ассоциация *Новая музеология и социальный эксперимент* (MNES). Количество опытов, рассматриваемых, как *новые*, было очень велико и разнообразно. Движение быстро обрело интернациональный характер, получив распространение во франко-, испано- и португало-язычных странах, и уже в 1985 г. во время международного семинара по новой музеологии в Лиссабоне было основано *Международное движение за новую музеологию* (MINOM).

В первой половине 1990-х гг. (1992 и 1994 гг.) под руководством Андре Девалье была издана двухтомная антология текстов *новой музеологии* – «*Vagues*», «*Волны*». Название, как считается [4, р. 56], является отсылкой к французской кинематографической *новой волне*, развивавшейся тоже в 1960-е гг. Этот труд стал

определенным итогом развития движения. Показательно, что один из ведущих испанских музеологов П. Х. Лоренте называет его «нео-музеологической Библией», поэтически называя первый том (1992 г.), в котором были собраны тексты предшественников и пионеров *новой музеологии* Ветхим Заветом, а второй (1994 г.), содержащий материалы крупнейших мыслителей движения – Новым [4, р. 56].

Далее, со второй половины 1990-х гг., *новая музеология* начинает рефлексироваться и как историческое явление, ушедшее в недалекое прошлое, и как система ценностей. В 1995 г. вышел специальный выпуск из серии «Исследования ИКОФОМа» (ICOFOM Study Series), посвященный ей, а в 2000 г. осмыслению этого течения был посвящен специальный номер (№ 17–18) франкоязычного журнала «*Publics et musées*» («Публики и музеи»). И вот в последние годы наблюдается новый всплеск интереса к *новой музеологии*. В основном – это материалы, издающиеся под эгидой *Международного комитета по музеологии* (ИКОФОМ) и написанные его членами. Обратимся к этим публикациям, выделяя проблемы, поднимаемые их авторами.

В настоящее время, как уже было отмечено, очень динамично развивается историческая музеология, с современных позиций рассматривается история музея, исследуются истоки его нынешнего понимания. Французский музеолог Серж Шомье, обращаясь к истории музея, утверждает, что система взглядов *экомузеологии* (как части *новой музеологии*) стала вершиной критики сосредоточенности музея на хранении и изучении своей коллекции. Перед лицом создания общинных и соседских музеев, развития других экспериментов, музей начал переосмысляться. Главными событиями этого международного движения стали круглый стол Сантьяго-де-Чили (1972 г.) и создание ассоциации *Новая музеология и социальный эксперимент* (MNES). По словам Шомье, отныне музей рассматривался как институт, находящийся «на службе публики, и даже населения, а коммуникация стала центральным вопросом его функционирования» [6, р. 70]. Коллекция, согласно идеям *экомузеологии*, должна быть средством действия, а не целью. Следуя политическому доводу предназначения музея, каким его понимает С. Шомье, «человеческие отношения, порожденные институтом, способности, позволяющие овладеть своим прошлым, чтобы придумать общую судьбу, составляя ожидаемые результаты» [6, р. 70]. А вот исторический довод, рассматриваемый музеологом, доказывает, что если и воспринимать идеи *новой музеологии* как революционные, то это, безусловно, продолжение воззрений

той эпохи, в которую музей, собственно, и сформировался как общественный институт – времени Французской буржуазной революции конца XVIII в. Та консервативная модель музея, которой противопоставили себя новые музеи 1970–1980-х гг., отнюдь не была первоначальной, – утверждает Шомье. Музей, родившийся в конце XVIII в., французский музеолог называет «коллективным проектом публичного служения», целью которого было воспитание «ответственного гражданина» [6, р. 72]. Таким образом, полагает Шомье, первые музеи следовали не патримониальным доводам – собирались не для накопления сокровищ, а для решения социальных и культурных задач. Отчего и предметы, заслуживавшие сохранения в настоящем во имя будущего, должны были обладать ценностью образца, а не реликвии. Рассматривая эти доводы применительно к настоящему, французский исследователь вопрошает читателей, как можно в наше время оправдать все возрастающие расходы на хранение коллекций, если они служат только тому, чтобы свидетельствовать о прошлом. Развивая логику своих рассуждений, далее Шомье приходит к утверждению социологического довода существования музея, согласно которому подлинные предметы коллекции являются лишь возможностью (не единственной) высказывания, которое автор экспозиции хочет донести до посетителя. Вспомним, что именно сторонники *новой музеологии* утвердили приоритет экспозиционно-выставочной деятельности музея, ориентированного на публику. В результате выставка должна позиционироваться не в сфере наследия, а в области современного творчества. И в результате она не является лишь суммой того, что она демонстрирует, первичной является идея, выраженная в сценарии.

К истории музея как института в связи с осмыслением *новой музеологии* обращается и другой видный французский музеолог – Бернар Делаш. Вклад этой «живой школы», как он ее характеризует, в музеологическую мысль он видит в трех положениях: особом состоянии ума, перечне недостатков классического музея и социальном проекте.

Состояние ума подразумевает способность осмыслить критически предшествующий опыт, сформированные веками профессиональные привычки. Следующий пункт концепции – инвентаризация недостатков – это не только и не столько их осуждение, сколько попытка понять, каким образом музей отклонился от своих первоначальных целей. Как и С. Шомье, Б. Делаш полагает, что сакрализованный музей-храм, отдалившийся от широкой публики, стал своего рода отходом от первоначальных целей музея

как института, какими они были сформулированы «отцами-основателями революционной эпохи» [7, р. 155]. Среди них Б. Делаш перечисляет имена Ф. Вик д'Азира, Ж. Пуарье, аббата Грегора, А. Ленуара, Катрмера де Кенси. Темы, поднимавшиеся ими в выступлениях и текстах, были забыты или переосмыслены в пользу сакрализирующей идеологии эпохи Романтизма, утверждает Делаш. Он цитирует А. Девалье, одного из корифеев *новой музеологии*, который настаивал, что «музей был отрезан от масс, которым он был дан для возвышения» [7, р. 156], а идеи *новой музеологии* нужно воспринимать как «возвращение к истокам» [7, р. 156], к идеям мыслителей эпохи Просвещения и революции. В этой перспективе третий элемент концепции Делаша – социальный проект, – рождение музеев нового типа, сконцентрированных на социальных отношениях, и есть этот возврат к историческому предназначению музея как института, заложенному эпохой революции XVIII в., когда впервые ставились вопросы доступности наследия всем гражданам, расширялось представление о наследии – интерес вызывали научные коллекции в качестве образовательного инструмента, произведения искусства рассматривались в том числе как документы определенной эпохи, а сам музей виделся важнейшим элементом формирования гражданского общества. Делаш известен своими смелыми выводами. И в данном случае рассмотрение экомузеев в качестве продолжения традиций музеев революционной эпохи демонстрирует, каким образом современные культурные реалии позволяют по-новому оценивать историю музея как института.

Одновременно Б. Делаш задумывается и о месте новой системы взглядов в логике развития музеологии как науки. Для него цель *новой музеологии* – роль агента осознания исследовательского научного поля, поэтому он называет ее «спрятанной душой музеологии» [7, р. 156], которая, как полагает Делаш, со временем должна стать «коротко просто музеологией, единственной» [7, р. 156]. Доказывая, что *новая музеология* имеет более старые исторические корни, чем та, что господствовала к 1970-м гг., французский мыслитель полагает, что указание на ее «новизну» должно будет исчезнуть тогда, когда новые идеи станут основополагающей частью музеологии как науки. При этом, опираясь на авторитетные высказывания А. Девалье, Делаш показывает, что речь идет не о борьбе *новой музеологии* и теории, которую она признала «устаревшей», главный противник – новые реалии музейной жизни, ставшие ощутимыми в 1990-е гг. – первенство экономики, поиск прибыли и финансовых партнеров: «Я не верю, – писал

Девалье, – ни в конец истории, ни в факт, что надо подвести черту под всеми социальными инновациями последних двух столетий, для единственного блага рыночной экономики» [7, p. 156].

Новая музеология как катализатор осмысления исследовательского поля музеологии – вопрос, поднимаемый бразильским музеологом Б. Б. Соаресом (нынешним руководителем ИКОФОМа) и испанцем П. Х. Лоренте. Прежде всего, обратим внимание на их понимание роли «устаревшей» музеологии в формировании *новой*. Только формулирование теоретических постулатов музеологии, связанной с восточно-европейскими университетами, и знакомство с ними западноевропейских специалистов, привели к осмыслению этих идей как *традиционных*, подлежащих переосмыслению. Без этого первоначального этапа пробуждение музеологии, мыслимой по-разному, было невозможно, утверждает Соарес [8, p. 60]. А Х. П. Лоренте также указывает на влияние, оказываемое восточно-европейскими учеными на идеи, с которыми вошла в исследовательское поле *новая музеология*: термины музеология и музеография в понимании Ж. А. Ривьера восходили к трудам И. Неуступного, а идеи Я. Елинека внесли весомый вклад в разработку концепции экомuzeя [9, с. 51].

Б. Б. Соарес обращает внимание на тот факт, что, когда А. Девалье в 1980 г. впервые сформулировал понятие *новая музеология*, определенное *новая* он поставил в скобки после термина, обозначающего саму дисциплину. С позиции дня сегодняшнего бразильский музеолог видит этому следующее объяснение: добавление слова, к тому же в скобках – свидетельство того, что новая музеология (как тогда, так и сейчас), – это не переосмысление традиционного, признанного в какой-то момент консервативным, а провозглашение и дальнейшее развитие самостоятельной научной области [8, p. 67]. Соарес также говорит о *новой музеологии* как о возвращении к истокам, заложенным развитием музея как института двести лет назад и об осознании широты понимания исследовательского поля в многообразии региональных контекстов. Соарес утверждает, что продолжает идеи А. Девалье, предлагая рассматривать музеологию (новую) как рефлексию границ разнообразных музейных практик, которые постоянно находятся в состоянии экспериментирования, при этом признавая ее не ветвью музеологии, а способностью обретения научного статуса [8, p. 68], «до изобретения оппозиции новой музеологии и старой музеологии, научное поле, каким мы его знаем сегодня, не было определено» [8, p. 69]. Новая

музеология, выросшая из осмысления практики, привела музейное сообщество к саморефлексии, «когда практика становится способной вырабатывать теорию, оценивающую ее саму» [8, p. 68].

Две международные организации, с деятельностью которых связано развитие изучаемого нами концепта – это уже упоминавшиеся *Международное движение за новую музеологию* (МИНОМ) и *Международный комитет по музеологии* (ИКОФОМ). Соарес уточняет, что многие специалисты, стоявшие у истоков новой музеологии, были членами обоих профессиональных объединений: в частности, канадцы П. Мейран и Р. Ривар, французы А. Девалье и Ю. де Варин. Заслуги участников МИНОМ – это, прежде всего, описание многообразия тех опытов, которые были осмыслены сторонниками музейных новаций. Не случайно, что помимо термина *новая* применительно к музеологии они использовали также определения *активная, открытая, социальная*. Главная заслуга этого движения – развитие тенденции децентрализации и политизация новаторского музейного строительства, проявляющаяся, по мысли Соареса, в его тесной связи с социальными проблемами того общества, которым создаются музеи, в участии сообществ в управлении музейными практиками и в использовании музейных учреждений как инструментов развития этих сообществ.

А вот ИКОФОМ, как считает бразильский специалист, благодаря влиянию *новой музеологии* обрел тот корпус текстов, рожденных с конца 1970-х до конца 1980-х гг., которые и составили, собственно, ту теорию, которую мы сегодня мыслим как музеологию. Таким образом, это как раз то влияние, которое *новая музеология* оказала на формирование исследовательского поля науки о музеях. Исходя из таких позиций, Соарес полагает, что *новая музеология* – не только и не столько часть истории становления науки, это течение мысли «все так же живо в критических – иногда идеологизированных – дискурсах, которые постоянно обновляются новыми формами размышлений о музеологии и музеях, даже в XXI веке» [8, p. 68]. В результате эта критическая способность делает музеологию научной дисциплиной, развивающейся вслед за эволюцией своего объекта – музея.

Подведем итоги. Как было отмечено в начале статьи, музеи в последние десятилетия стремительно эволюционировали, и начало этим изменениям было положено как раз теми опытами, которые впоследствии рефлексировала *новая музеология*. В наше время исследователи часто обращаются к толкованию термина *музеология*, и осмысленное ныне расширенным ис-

следовательское поле этой науки как раз связано с идеями, которым посвящена данная статья. Напомним, что в «Энциклопедическом словаре музеологии» (2011 г.) А. Девалье и Фр. Мересс утверждали: «музеология охватывает гораздо более широкую область, содержащую все достижения и усилия теории и критической мысли о музееальной сфере» [10, с. 57]. А в сборнике «Новые тенденции музеологии» (2016 г.) Д. Жакоби определяет несколько значений термина. С одной стороны, *музеология* истолковывается как *осмысленная практика* профессионала, который в силу опыта, таланта, а иногда и преподавательских экспериментов начинает ее обобщать, с целью обсуждения и передачи другим. А с другой стороны – как *исследовательская область*. В этом случае она соответствует производству новых знаний об истории музеев, их коллекций, музеографических учреждениях, выставках и их публике [11, р. 27–28]. Именно *новой музеологии* как концепту, связанному с многообразными музейными практиками, принадлежит заслуга утверждения музеологии в столь широких границах, что позволяет современным исследователям трактовать ее в качестве актуального образа мыслей, составляющего суть исследовательского поля науки о музееях.

Список литературы

1. Мересс Фр. Международное обсуждение понятия «музей»: итоги дискуссии // *Мировые тренды и музейная практика в России*: сб. ст. между. науч. конф. / отв. ред. А. А. Сундиева. Москва: РГГУ, 2019. С. 31–41.
2. Mairesse Fr. Introduction // *Histoire de la muséologie. Quelques figures marquantes du monde muséal francophone* / ed. Fr. Mairesse. Paris, 2020. P. 7–13.
3. Dictionnaire encyclopédique de muséologie / sous la dir. A. Desvallées, Fr. Mairesse. Paris: Armand Colin. 2011. 722 p.
4. Lorente J. P. De la nouvelle muséologie à la muséologie critique: une revendication des discours interrogatifs, pluriels et subjunctifs // *Nouvelles tendances de la muséologie* / sous la dir. de Fr. Mairesse. Paris, 2016. P. 55–66.
5. Desvallées A. Introduction // *Publics et Musées*. 2000. № 17–18: L'Écomusée: rêve ou réalité / sous la dir. A. Desvallées. P. 11–31.
6. Chaumier S. Pourquoi la muséologie ne devra plus être une composante du patrimoine // *Nouvelles tendances de la muséologie* / sous la dir. de Fr. Mairesse. Paris, 2016. P. 67–80.
7. Deloche B. André Desvallées, penseur de la nou-

velle muséologie // *ICOFOM Study Series*. 2014. Hors-série. P. 149–159.

8. Soares Br. Br. L'invention et la réinvention de la Nouvelle Muséologie // *ICOFOM Study Series*. 2015. № 43a. P. 57–72.

9. Лоренте П. Х. Развитие музеологии как университетской дисциплины: от техн. подготовки к крит. музеологии // *Вопросы музеологии*. 2011. № 2 (4). С. 45–64.

10. Ключевые понятия музеологии / сост. А. Девалье, Фр. Мересс; пер. с франц. яз. А. В. Урядниковой. Москва, 2012. 102 с.

11. Jacobi D. Muséologie et acceleration // *Nouvelles tendances de la muséologie* / sous la dir. de Fr. Mairesse. Paris, 2016. P. 27–39.

References

1. Mairesse Fr. International discussion of the concept of «museum»: discussion results. Global trends and museum practice in Russia: coll. of art. of intern. sci. conf. / ed. A. A. Sundieva. Moscow, 2019. 31–41 (in Russ.).

2. Mairesse Fr. Introduction. *Histoire de la muséologie. Quelques figures marquantes du monde muséal francophone* / ed. Fr. Mairesse. Paris, 2020. 7–13.

3. Desvallées A. (sous la dir.), Mairesse Fr. (sous la dir.). *Dictionnaire encyclopédique de muséologie*. Paris: Armand Colin. 2011. 722.

4. Lorente J. P. De la nouvelle muséologie à la muséologie critique: une revendication des discours interrogatifs, pluriels et subjunctifs. *Nouvelles tendances de la muséologie* / sous la dir. de Fr. Mairesse. Paris, 2016. 55–66.

5. Desvallées A. Introduction. *Publics et Musées*. 2000. 17–18: L'Écomusée: rêve ou réalité / sous la dir. A. Desvallées, 11–31.

6. Chaumier S. Pourquoi la muséologie ne devra plus être une composante du patrimoine. *Nouvelles tendances de la muséologie* / sous la dir. de Fr. Mairesse. Paris, 2016. 67–80.

7. Deloche B. André Desvallées, penseur de la nouvelle muséologie. *ICOFOM Study Series*. 2014. Hors-série. 149–159.

8. Soares Br. Br. L'invention et la réinvention de la Nouvelle Muséologie. *ICOFOM Study Series*. 2015. 43a, 57–72.

9. Lorente P. J. The development of museology as a university discipline: from technical training to critical museology. *The Issues of museology*. 2011. 2 (4), 45–64 (in Russ.).

10. Desvallées A. (comp.), Mairesse Fr. (comp.); Uryadnikova A. V. (transl.). Key concepts of museology. Moscow, 2012. 102 (in Russ.).

11. Jacobi D. Muséologie et acceleration. *Nouvelles tendances de la muséologie* / sous la dir. de Fr. Mairesse. Paris, 2016. 27–39.